

В. В. Калугин

АНДРЕЙ МИКУЛИНСКИЙ И КОЗЬМА ПОПОВИЧ — ПСКОВСКИЕ ПИСЦЫ XIV в.

Изучение деятельности средневековых книжных центров, скрипториев и отдельных писцов актуально и необходимо для истории русского языка, литературы, палеографии, источниковедения и — шире — для истории отечественной культуры. В связи с этим представляют значительный интерес четыре великорусских пергаменных кодекса начала XIV в., в создании которых принимали участие Андрей, (поп Микулинский) (священник псковской церкви Николая Мирликийского), и его сын дьяк Козьма Попович. Уже само по себе наличие четырех книг, переписанных представителями одной семьи, является редкостным фактом не только великорусской письменности XIV в., но и вообще всей западноевропейской книжной культуры того времени. Но это далеко не главное. Рукописи Андрея и Козьмы содержат ценный материал, важный в лингвистическом, палеографическом и историко-культурном аспектах.

Дьяк Козьма и его отец переписывали следующие тексты: 1) Паремейник 1312—1313 гг. (ЦГАДА, собр. библиотеки Московской Синодальной типографии, ф. 381, № 61; далее: Тип-61);¹ 2) Шестоднев служебный, около 1312 г. (там же, № 76; далее: Тип-76);² 3) Пролог, март—август, 1-й (Краткой) редакции, начало XIV в. (там же, № 177; далее: Тип-177); 4) Пролог, сен-

¹ А. А. Покровский первым обратил внимание на то, что последние пять листов Паремейника приплетены к Минее служебной, март—апрель (конец XIV в.). — ГИМ, собр. Синодальное, ф. 80370, № 172, л. 198а—202 г (далее: Син-172); см.: *Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1916. С. 62, 149* (далее в тексте: Покровский).

² Сборная рукопись, в состав которой входят Шестоднев служебный, около 1312 г. (л. 1—132 об.) и Часослов с добавлениями, 2-й половины XIV в. (л. 133—248). Ниже рассматривается только 1-я часть этого кодекса — Шестоднев служебный, так как Андрей и Козьма не переписывали Часослова.

тябрь—февраль, 1-й (Краткой) редакции, 1313 г. (ГИМ, собр. Синодальное, ф. 80370, № 239; далее: Спн-239).

Покровский (с. 176) и вслед за ним Е. Ф. Карский отмечали, что Андрей Микулинский и «Кузьма в Пскове» также упоминаются в кодексе XIV—XV вв. из собрания библиотеки Московской Синодальной типографии, № 176.³ В настоящее время под этим номером хранится Пролог, март—август, 1-й (Краткой) редакции, XIV—XV вв. Однако имена Андрея и Козьмы не встречаются в данной рукописи. Несомненно, отец и сын умерли значительно раньше конца XIV в., поэтому они не могли работать над Прологом на рубеже XIV—XV вв. Эта ошибка была вызвана тем, что А. А. Покровский дважды привел в составленном им списке писцов № 176 вместо № 177.

Переписанные Андреем и Козьмой тексты поступили в современные книгохранилища из библиотеки, находившейся в XVII в. при Московском Печатном дворе. В нее они были доставлены в 1679 г. вместе с другими рукописями (около 200 ед.), присланными из псковских и новгородских монастырей и церквей по указу патриарха Иоакима для «книжной справки» (Покровский. С. 17—24).

При передаче кодексов Печатному двору на них были сделаны специальные пометы: на внутренней стороне верхней переплетной крышки — наклейка XVII в. с названием монастыря или церкви, откуда поступила книга (если переплета не было, то такая запись помещалась на полях); в конце или в начале кодексов — пометы с указанием количества листов, тетрадей, а также фамилии и (или) имени считавшего их работника.

Покровский (с. 29—31, 36—47) убедительно доказал, что один и тот же типографский служащий просматривал книги, поступившие в 1679 г. только из Пскова или из Новгорода. Поэтому при отсутствии наклейки с названием места, где ранее хранилась рукопись, его можно установить по фамилии и (или) имени счетчика Печатного двора. Собранный и изученный А. А. Покровским материал содержит важные факты по истории кодексов, переписанных Андреем и Козьмой.

Приступая к анализу великорусских текстов начала XIV в., прежде всего необходимо определить, какие именно части рукописей были написаны Андреем, какие — его сыном и какие — работавшими вместе с ними другими писцами. Композиционно будет оправданно, забегая вперед, именно сейчас познакомить читателей с конечными результатами этого палеографического исследования.

Почерки Андрея и Козьмы в своих основных чертах близки друг другу; и в иных рукописях, в создании которых принимали участие представители одной семьи, наблюдается сходство в книгописной манере. Так, еще Н. М. Каринский отметил, что в нов-

³ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. [2-е изд.]. М., 1979. С. 288, 299 (далее в тексте: Карский).

городском Паремейнике 1271 г.,⁴ кстати восходящем к древнепсковскому протографу, почерки отца Захарии и его сына Олуферия «чрезвычайно похожи один на другой».⁵

Разница в манере письма Андрея и Козьмы особенно хорошо видна в Тип-177 — единственном из числа сохранившихся источников, в котором перу отца принадлежит значительная часть текста. Основные отличия почерков Андрея и его сына видны из приведенных ниже примеров. Здесь же остановимся на вариативности в начертании одних и тех же букв в пределах одного почерка. Иногда отдельные графемы бывают так непохожи друг на друга, что, взятые вне контекста, они производят впечатление написанных разными людьми. Эта вариативность, между прочим, свойственная и современному человеку, могла быть вызвана различными причинами: меной пера, усталостью писца (непрерывно и долго работая, он начинал писать небрежнее), сознательным изменением написания некоторых букв, жанром и адресатом воспроизводимого текста (например, напрестольные Евангелия, Апостолы и другие священные, учительные книги, предназначавшиеся для богатых монастырей, церквей, знатных лиц и т. д., как правило, изготовлялись тщательнее, чем литература для повседневного, обиходного чтения) и т. п. Поэтому при идентификации почерков важны основные тенденции в начертании букв и вся графическая система данного писца, а не ее отдельные элементы, пусть даже и очень характерные.

Основные особенности графической системы Андрея и Козьмы:

Козьма Попович

Ж — асимметричной формы. Точки соприскосновения боковых черт с мачтой (прямой линией) находятся в разных местах (левая часть значительно выше правой). В большинстве случаев нижняя половина буквы слева (гораздо реже и(или) справа) перечеркнута посередине.

Ч — ножка перечеркнута.

Ц — соединительная линия буквы перечеркнута.

Нередко перечеркнуты посередине: а) выходящие за строку нижние части букв **р**, **у**, **х** (слева), **и**, **ц**; б) мачта **т** и **і**. В некоторых случаях перечеркнуты соединительные линии в буквах **ю**, **и** (похожа на современную букву «эн»).

Ф — украшена посредством горизонтальной линии, пересекающей мачту внутри круга, в котором изредка помещены еще четыре росчерка. Выходя-

Андрей Микulinский

Ж — более древней правильной формы. Перечеркивание отсутствует. Иногда левая полукруглая часть буквы внизу загнута внутрь.

Без перечеркивания.

Без перечеркивания.

Без перечеркивания.

Без росчерков и перечеркивания.

⁴ Паремейник («Захарийский паремейник»). 1271 г. ГПБ, Q. п. I. 13.

⁵ Каринский Н. М. Паремейник 1271 года как источник для истории псковского письма и языка // Сб. ОРЯС. Л., 1928. Т. 101. С. 234; см. также с. 237.

щая за строку нижняя часть буквы может быть перечеркнута.

К — с «коленцем»; правая сторона не соединена с левой.

Л — широкий; в ряде случаев с заметным наклоном влево; иногда правая скошенная линия имеет ломаную форму.

Ю — по преимуществу имеет косую перекладину.

Без «коленца».

А более симметричной формы; наклон менее выражен; левая скошенная линия внизу может быть загнута внутрь, а язычок вверху — разветвлен.

Соединительная линия проведена прямо или менее скошена.

Таким образом, графическая система Андрея в целом более архаична, а графическая система его сына — более каллиграфична. Кроме отмеченных палеографических примет, в переписанном Козьмой Тип-61 встречаются о с четырьмя росчерками в круге, с с двумя чертами внутри, перечеркнуты горизонтальная линия ю, ножка ψ и т. д. «Относительно всех вообще йотованных букв, — писал Е. Ф. Карский, — следует заметить, что соединительная черта в них часто бывает перечеркнута (например, в «Туровском ев[ангелии]» XI в. при ѣ ж ю), что, конечно, палеографического значения в смысле определения времени или места написания рукописи не имеет; это, может быть, зачаточная орнаментика, сказывающаяся в перечеркивании, выводе за строки и под строки, в прибавлении ветвистых окончаний и других украшений» (с. 207).

Исследование рукописи и атрибуцию почерков следует начать с Тип-61 и Син-172, так как точно известно, что она была переписана и датирована Козьмой Поповичем.

П а р е м е й н и к 1312—1313 гг. (Т и п - 61, С и н - 172)

В киноарной записи на нижнем поле 2-го листа (Тип-61) дъжъ Козьма сообщил о времени начала своей работы: «а початы быша книги си м̄сца декабра .з̄и. ⁶ [17] на памат ст̄гъ .г̄. [3] штрок». В послесловии на л. 202 в—г (Син-172) он же указал: «Въ лѣтѣ .г̄. .з̄. п̄. ка. [1313] кончаны быша кнѣгы си. м̄сца маѣа въ .з̄и. [17] днѣ. на памат ст̄ог ап̄сла андроника ѣдиногѣ шт̄ .б̄. [70] къ стомоу моучникоу пантѣлѣмоноу за .е̄. [5] вѣрстѣ а стаженъныѣ рабу бѣю радиона чернѣча съ борисомъ. а писаны к̄нигы си при попѣ григориѣ⁷... [далее стерто и замазано шесть или семь букв; текст прочтению не поддается] и при игоумѣне радионѣ баше бо тѣгда игоуменомъ оу ст̄го пантѣлѣмона а борисъ баше

⁶ Число «.з̄и.» вынесено над строкой.

⁷ Выделенные курсивом слова были написаны позднее по подскобленному. См.: Каринский Н. М. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909. С. 145 (далее в тексте: Каринский); Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюгина Л. М., Голышенко В. С. Описание пергаментных рукописей Государственного исторического музея. Ч. 1: Русские рукописи // Археограф. ежегодн. за 1964 год. М., 1965. С. 210.

перевозникомъ а при архиеписѣ двѣдѣ новгородскомъ. // при великомъ князи михаилѣ. при князи борисоу при пльсковскомъ том же лѣтѣ въшьль въ пльсковъ. а на горѣ црѣвь почаша писати а псалъ козма дыакъ поповиць. грабашима роукама. клеветливымъ тазыкомъ. ѡбидливымъ ѡчима. а кде боудетъ изматено исправач чтете. а не исправите то вы на свою душу».

Каринский (с. 145), Покровский (с. 64) и другие исследователи подчеркивали, что эта уничижительная самохарактеристика дьяка Козьмы Поповича очень близка былинной характеристике богатыря Алеши Поповича. Это свидетельствует о знакомстве псковского писца с народными эпическими произведениями.

Из записей Козьмы на л. 1 об., 20, 48, 99 об., 138 (Тип-61) и приведенных выше известно, что Паремейник был написан для Пантелеймонова Дальнего монастыря (позднее церковь), находившегося в начале XIV в. в пяти верстах от Пскова. Заказчиками рукописи являлись игумен Пантелеймонова монастыря Иродион («Родион») и перевозник (т. е. перевозчик) Борис. Как известно, «Пантелеймонов монастырь находился при впадении реки Черехи в Великую; вероятно, Борис и держал перевоз около монастыря» (Покровский. С. 63).

Интересна указанная Козьмой дата окончания работы над книгой — «лѣт . ѣ . џ . џа.». При ее традиционном переводе на современное летосчисление получается 1413 г. (6921—5508=1413 г.). Между тем еще Каринский (с. 144) на основании упоминания в послесловии Новгородского архиепископа Давида и великого князя Михаила Ярославича, деятельность которых приходилась на 1-ю четверть XIV в., убедительно доказал, что Паремейник был написан в 1313, а не в 1413 г. На начало XIV в. указывают и характер почерка рукописи, и ее язык.

Нами установлено, что в цифровой системе некоторых памятников псковской письменности рассматриваемого периода для обозначения числа 800 могла употребляться вместо традиционной ѡ («оть») буква ц («ци»), а для обозначения числа 900 — а («юсь малыи»). По-видимому, функционирование ц с такой семантикой было ограничено локально и хронологически. Тем не менее Козьма Попович не ошибался в своих записях на 100 лет (ср. приведенную ниже помету на л. 111 об. Тип-76), как полагали Каринский (с. 144), Покровский (с. 63), Карский (с. 48) и другие исследователи. Дьяк Козьма проставлял в написанных им текстах правильные даты, используя, однако, вместо ожидаемой нами ѡ букву ц в редком числовом значении '800'.⁸

В специальной литературе широко распространена неточная датировка Паремейника т о л ь к о 1313 г. Каринскому (с. 144—145) были известны лишь последние пять листов этой рукописи, случайно приплетенные в значительно более позднее время

⁸ Калугин В. В. Ошибался ли дьяк Козьма Попович? (Числа 800 и 900 в русской письменности XIV века) // Рус. речь. М., 1990. № 2. С. 109—113.

к Син-172. Здесь Козьма Попович сообщил, что работа над книгой завершилась 17 мая 6821—5508=1313 г. (см. выше). Разумеется, Н. М. Каринский и привел эту дату в своей монографии, откуда она была механически перенесена в другие исследования. Между тем в неизвестной Каринскому записи на Тип-61 (л. 2; см. выше) дьяк Козьма отметил, что он стал переписывать текст 17 декабря. Следовательно, 6821—5509 (а не 5508, так как месяц декабрь!) = 1312 г.

Итак, работа началась 17 декабря 1312 г. и закончилась 17 мая 1313 г. На переписывание 161 с половиной листа Паремейника в 1° (26.5×21 см) ушло 152 дня — ровно пять месяцев. Таким образом, дьяк Козьма переписывал приблизительно чуть меньше одного листа в день.⁹ Следует иметь в виду, что на это время приходилось восемь дней Рождественского поста (с 15-го ноября по 24-е декабря) и семинедельный Великий пост перед Пасхой. Но всей вероятности, именно о нем упоминается в записи на нижнем поле 115-го листа: «сѣсти позаутрыкати хотя по» (Тип-61: Покровский. С. 63).

Традиционно считается, что Козьма Попович один переписал весь текст Паремейника. Однако нами установлено, что его отец Андрей написал в Тип-61 на л. 144в первые десять строк и одиннадцатую строку до союза и. Ниже приведены другие примеры подобного эпизодического участия Андрея в переписывании книг.

В Тип-61 на л. 1в—4в (за исключением последней строки) имеется правка текста, возможно сделанная в Москве, на Печатном дворе.

1. Буква *ю* всюду изменена на *е* (стерты левая мачта и соединительная линия), например: дрѣво плодѣвито^е | твораще^е плодѣ ю|моу же сѣма юго въ немь. по родоу и по | подобю на земли — л. 2а; людѣ ю ефицѣстии — л. 3б.

2. Буква *ы* везде исправлена на *и* (*у* $\bar{}$ стерта левая верхняя линия): быс — л. 1г, 2а (трижды); съставы водныа — л. 2а; изыкы — л. 2в; рысь — л. 3г; вѣрныа | члѣвкы — л. 4б и др.

3. Буква *ѣ* изменена на *ѣ* (стерта левая верхняя линия) в словах: и тѣ|щю ихъ истъни|ть — л. 2в (только в последней лексеме); не по славѣ | соудитъ нѣ соуди|ть въправдоу — л. 3г (лишь у глаголов в форме 3-го л. ед. ч. старославянский вариант окончания заменен древнеусским); славны|а — л. 3г.

4. Буква *и* исправлена на *і* (стерты правая мачта и соединительная линия) в словах: изидеть — л. 2в (лишь второе *и*); скимень — л. 2в; изиде — л. 3а (лишь второе *и*); въ тоирѣ — л. 3б; юнѣ|мануилъ 'Эммануил' — л. 4а.

5. В некоторых словах стерты буквы: върь|хоу — л. 1в (*о*); гьмоу — л. 1в (*ѣ*); клѣну|юции та — л. 2в (*ю*).

⁹ Сведения о том, сколько времени переписывались книги в Древней Руси, собраны в исследовании Е. Ф. Карского (с. 271). Приводимые в статью подсчеты не противоречат фактическому материалу, изученному Е. Ф. Карским.

Интересен переплет Тип-61, от которого сохранилась только верхняя сторонка, оклеенная кожей. Первоначально материал покрытия был прибит к обороту доски маленькими деревянными гвоздиками — от них остались следы. Вероятно, позднее кожа была перетянута заново или заменена. В настоящее время крышка отделена от книжного блока, но ранее она соединялась с ним с помощью пяти шнуров, фрагментарно уцелевших на корешке. Во внутренней стороне доски выдолблено пять горизонтальных углублений, в которых помещались шнуры. Примечательно, что ни на корешке Тип-61, ни на самой крышке нет никаких следов (проколов, пропилов и т. п.), появившихся в результате более позднего переплетения рукописи и указывающих на бывшие прежде ремни, на вторичность шнуров. Очевидно, Паремейник имеет первоначальный переплет со шнуровым креплением 1313 г. или несколько более позднего времени, если книжный блок был переплетен не сразу. Следовательно, шнуровое крепление стало использоваться в древнерусском книжном деле не с XV в., как это считается традиционно,¹⁰ а встречается уже на пергаменных рукописях начала XIV в.

О дальнейшей судьбе Паремейника вплоть до конца XVII в. ничего не известно. Покровский (с. 61) отмечал, что на внутренней стороне верхней доски переплета находился бумажный ярлык с записью XVII в., в которой сообщалось, что «рукопись хранилась перед отсылкой ее в Москву в церкви св. Георгия с Взвозу» (построена в Пскове в 1494 г.). Однако в настоящее время эта наклейка потеряна. Покровский (с. 30, 62) на основании записи и по имени и фамилии п р и б ы л о г о — 'сверхштатного' Стефана Ананьина, считавшего листы книги (всего 155 листов; см.: Син-172, л. 202 об.), установил, что кодекс был привезен на Московский Печатный двор из Пскова в 1679 г.

Последние пять листов Паремейника ошибочно были присоединены к Минее служебной уже на Печатном дворе (с 1721 г. — Синодальная типография) между 1679 и 1725 гг. Как видно из пометы Стефана Ананьина, в 1679 г. они еще находились в составе Паремейника: 151 лист Тип-61 и 5 листов Син-172, всего 156 листов. В своих подсчетах Стефан Ананьин ошибся на один лист. Минеей же в 1679 г. занимался пристав Василий Нефедьев Обрядин (Син-172, л. 197 об.; Покровский. С. 62). В 1725 г. отрывок уже был приплетен к Син-172. В относящейся к этому времени описи Типографской библиотеки о Минее служебной сообщается, что она «писана при архиепископе Новгородском Давиде, при великом князе Михаиле и князе Борисе в лето. . . 6921» (Покровский. С. 149). Здесь составителями описи 1725 г. приведен краткий пересказ записи Козьмы Поповича, сделанной им на последнем листе Паремейника 1312—1313 гг.

¹⁰ См., например: *Клепиков С. А.* Описания древних русских обиходных переплетов // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 54—55.

Писцы Шестоднева не сообщили своих имен. Однако запись одного из них проливает свет на его личность. Так, на нижнем поле л. 111 об. приводится известие о несомненно взволновавшем писца событии: «въ лѣтѣ ̑. ̑. ̑. [6920—5508 = 1412] мѣца июла въ .е. ¹¹ [5] быс знамениѣ на нѣбе въ слнці третыаа час погыбе слнца яко то ѡбѣдную ѡтпетѣ».

М. Б. Булгаков при проверке этой даты установил, что 5 июля 1412 г. на Руси не было солнечного затмения. Оно произошло в тот же день, но на столетие раньше — в 1312 г.¹² К сожалению, в более поздних работах некоторых исследователей, не знакомых с этой важной статьей М. Б. Булгакова, Шестоднев все еще необоснованно датируется временем около 1412 г.¹³ Между тем палеографические и языковые особенности пергаменного кодекса также свидетельствуют в пользу более ранней даты.

Такое уже знакомое употребление буквы ц в значении '800' вместо ожидаемой нами ѡ было характерно для книгописной практики Козьмы Поповича (см. выше). Примечательно, что в тексте дважды повторено обращение к святым Косме и Дамиану: «ѡ стаѣ безмездника поспешита козма и дамитане... [далее стерто]» (л. 35) и «ѡ ста безмездника козма и дамитане поспѣшит» (л. 84). На основании приведенных записей Н. Н. Розов предположил, что, возможно, «одним из этих имен звали данного книгописца».¹⁴ Однако Н. Н. Розов не отождествил его с Козьмой Поповичем и вслед за Покровским (с. 40, 67) ошибочно полагал, что Шестоднев служебный (по неточному определению обоих исследователей, «Стихиры» или «Стихирарь») был написан в 1412 г.¹⁵

Палеографическое сравнение Тип-76 с текстами, переписанными Андреем и Козьмой, со всей очевидностью показывает, что отец с сыном участвовали в создании и этой книги. Большая часть Шестоднева была написана дьяком. Его отец только эпизодически подключался к общей работе (так же как и в Тип-61). Кроме того, в кодексе имеются почерки других писцов. По мнению Покровского (с. 67), «рукопись представляет из себя соединение нескольких отдельных частей, отличающихся и по письму и по орнаментовке». На наш взгляд, границы почерков в Тип-76 распределены так:

1-й писец: л. 1—2 об.;

2-й писец: л. 3—26 об.; киноварные заголовки на л. 117 об., 119, 120, 123, 124 об., 125 об., 126 об., 128 об., 130 об.;

¹¹ Слово сочетание «въ .е.» вынесено над строкой.

¹² Булгаков М. Б. О датировке отдельных рукописей ЦГАДА // Сов. архивы. 1972. № 4. С. 63.

¹³ См., например: Ильина Т. В. Декоративное оформление древнерусских книг: Новгород и Псков. XII—XV вв. Л., 1978. С. 83, 146 («Стихиры»).

¹⁴ Розов Н. Н. Книга в России в XV веке. Л., 1981. С. 35.

¹⁵ Там же. С. 35, 135.

3-й писец (Козьма): л. 27—28, 29 об. (по-видимому, за исключением трех первых слов *въ адъ съшьдѣ*)—82 об., 83 об.—116 (только первые две строки сверху). В начертании некоторых букв прослеживается вариативность;

4-й писец (Андрей): л. 28 об.—29 об. (очевидно, только первые три слова; см. выше) и, по всей вероятности (другим пером и иными чернилами), л. 80 (возможно, 3-я строка снизу после имени существительного *дохомъ*. и несомненно последние две строки), 83, 86 об. (последнее слово на 5-й строке сверху — *оуподобльше* — и 6-я—10-я строки), 102 об., 114 об. (вероятно, окончание 12-й строки сверху — *местити*, т. е. глагол *въместити*, но префикс *въ* написан Козьмой, — и следующие, 13-я и 14-я строки). В написании отдельных букв заметна вариативность;

5-й писец: л. 116 (кроме первых двух строк)—132 об. (за исключением последних четырнадцати строк). Обращает на себя внимание тот факт, что в этом типе почерка наряду с симметричным ч в виде чаши нередко встречается и одностороннее ч, например на л. 116, 117, 119 об.—121;

6-й писец: л. 132 об. (только последние четырнадцать строк). Эта классификация почерков существенно отличается от определения их границ и датировки, предложенных в статье М. Б. Булгакова. Согласно его мнению, в 1-й части Тип-76 представлены лишь три разновременных почерка:

1-й писец: л. 1—26 об. (конец XIII в.);

2-й писец: л. 27—115 об. (начало XIV в., точнее, около 1312 г.);

3-й писец: л. 116—132 об. (2-я половина XIV в.).¹⁶

Между тем такая датировка и определение границ 1-й и 3-й частей Шестоднева вызывают возражения. Дело в том, что одним и тем же лицом написан не только текст на л. 3—26 об., но и выполнены киноарные заголовки на л. 117 об.—130 об. (см. выше). Следовательно, эти части пергаменного кодекса создавались в одно время, а не в разные столетия.

Как свидетельствует переплет рукописи, не позднее XV в. Шестоднев служебный был объединен со списком 2-й половины XIV в. Часослова с добавлениями. В XVII в. сборник принадлежал Псковскому Дмитровскому монастырю с Поля. На внутренней стороне верхней переплетной крышки имеется наклейка с пометой скорописью XVII в.: «Кнѣга дмитриевскаго мнѣстра с полѣ». Покровский (с. 30, 40—41, 67) на основании этой записи, а также по имени и фамилии счетчика, наборщика Ивана Варфоломеева (л. 248 об.) установил, что кодекс поступил на Московский Печатный двор из Пскова в 1679 г.

Пролог, сентябрь—февраль;
1-я (Краткая) редакция, 1313 г. (С и н-239)

Обстоятельства возникновения Пролога на сентябрьскую половину года Козьма Попович изложил со свойственной ему слово-

¹⁶ Булгаков М. Б. О датировке отдельных рукописей ЦГАДА. С. 64.

охотливостью в послесловии на л. 210б: «Въ лѣт̄ ѿ̄з̄ [6]... [остальные цифры затерты] индикта въ .ai. [11] кончаны быша книги сѣ къ стмоу мѣнкоу климантоу. при попѣ александѣ. при старостѣ романѣ коузове. при микифорѣ митрошкиници. а псалъ козма поповиць. а чи боудоу кде помалъ са въ своен гѣубости и пыанствѣ. оци и бѣтѣа исправаче чтете и бѣ дѣла. а мене не клѣнете. амнь». В начале кодекса, как и в Тип-61, дьяк Козьма особо сообщил о первом дне работы: «а початы быша книги сѣ мѣца июня въ .Гі. [13] на памат мѣ акоюлины» (л. 4). Итак, Пролог изготовлялся для Псковского Климентовского монастыря на Завеличье. М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева и другие исследователи полагают, что кодекс был написан в 1313 г., так как 11-й индикт (название года при летосчислении по пятнадцатилетним циклам) совпадает именно с этим годом.¹⁷ По-видимому, в рукописи большая часть даты смыта потому, что в ней Козьма Попович опять употребил букву *ц* в редком значении '800'. Один из читателей Пролога, не знакомый с такой числовой системой, стер эту букву (а заодно и последующие цифры) как не соответствовавшую, на его взгляд, действительному времени создания книги — началу XIV в.

Нами установлено, что вместе с дьяком Пролог переписывал и его отец, о котором сын не упомянул в своем послесловии в отличие от записи, сделанной Козьмой в Тип-177, л. 81б (см. ниже). Правда, если в Тип-177 Андреем Микулинским скопирована значительная часть проложных чтений, то в Син-239 его работа имела эпизодический характер. Здесь священником Андреем сделаны лишь отдельные микроставки и переписаны небольшие отрывки текста, например на л. 22б (последние четыре строки); 23в (первые двенадцать строк и окончание инфинитива *ть* в глаголе *житьь* на 13-й строке); 57а (с 8-й строки сверху)—58а; 65г (первые девять строк и 10-я до слов *та вни* включительно, окончание инфинитива *ти* в глаголе *внити* написано уже Козьмой); 66в (первые четыре строки); 69б (со слов *и многы* на 3-й строке сверху и до выражения *и ѿковъ же поимъ* включительно на 14-й строке снизу); 73б (со слога *це* в имени существительном *вѣце*, начало которого написано Козьмой, на 15-й строке сверху)—73г; 120в; 121в и некоторые другие.

В специальной литературе обращалось внимание на то, что у Син-239 схема большой заставки тератологического стиля, покрытой в более позднее время густым слоем красок (л. 1 об.),¹⁸ подобна киноарному контуру нераскрашенной заставки Син-172,

¹⁷ Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Гольщенко В. С. Описание пергаментных рукописей. . . С. 169; Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973. Ч. 2. С. 48.

¹⁸ Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1887. С. 24. Табл. LXVI (воспроизведение заставки и ряда инициалов Син-239).

л. 1 об.¹⁹ Однако композиция заставки Син-172 значительно ближе тератологической заставке в красках Тип-61, л. 1 об.

Не исключено, что до 1679 г. Пролог хранился в одном и том же месте — Псковском Климентовском монастыре на Завеличье. По крайней мере, на внутренней стороне верхней переплетной доски имеется наклейка XVII в. с указанием прежнего местонахождения кодекса: «кнѣга климянтовског мѣ».

Син-239 поступила на Печатный двор незадолго до присылки в Москву из Пскова 25 июля 1679 г. основной партии рукописей. На это обстоятельство указывает скрепа дьяка И. В. Арбенева, управляющего Печатным двором, датированная им 14 июля 1679 г. (л. 210; повторяющаяся подпись дьяка сделана на правых полях). Покровский (с. 27, 30, 151), исходя из пометы счетчика — батющика Федора Семенова (л. 1) и приведенных выше записей, установил псковское происхождение пергаменного кодекса. До 1788 г. Пролог принадлежал Типографской библиотеке; в 1788 г. он вместе с другими рукописями был передан в Синодальную (Патриаршую) библиотеку (Покровский. С. 150—151, 240).

Пролог, март—август;

1-я (Краткая) редакция, начало XIV в. (Тип-177)

В записи на л. 81б сообщается, что 1-я часть Пролога (март—май) была переписана священником Андреем и его сыном Козьмой: «А писано многогрѣшною роукою андрѣя попь²⁰ микулинскихыи. и снѣ ѿго козма. три мѣци. къ стоуму въздвиженію на кнѣжъ дворъ амѣн».²¹ В результате сравнительного анализа письма Тип-61, Син-172 и Син-239 с почерками, представленными в Тип-177, можно с уверенностью утверждать, что в Прологе дьяк Козьма написал текст на л. 72а—81б. Очевидно, им же выполнены некоторые киноварные заголовки чтений на предшествующих листах, в частности на л. 56а, 59а, 61г, 65г, 67г. Следовательно, скопированный одним почерком, отличным от руки Козьмы, текст до л. 72а (за исключением л. 7а—12б, см. ниже) должен принадлежать перу Андрея Микулинского. На это, кстати, косвенно указывает помета на нижнем поле 61-го листа: «ѡ стѣи андрѣя поспѣш[и]».²²

Над книгой работали две группы писцов: Андрей, Козьма и не названный в записи их сотоварищ переписывали весеннюю часть Пролога (март—май; л. I — 81б), три других писца — летнюю (июнь—август; л. 82а—131г). Затем обе половины рукописи

¹⁹ См., например: Протасьева Т. Н. Описание рукописей. . . С. 49.

²⁰ В слове *попь* буква *ѣ* наведена по *а*.

²¹ Покровский (с. 84) неточно отмечал, что эта запись «сделана той же рукой, которой написана первая половина рукописи (л. 1—81)». Однако в ней прямо говорится о том, что в создании 1-й части Пролога принимали участие два писца — отец и сын.

²² На боковом поле листа вырезана длинная узкая полоска, буквы *ш* и *и* повреждены.

были сложены и переплетены вместе. На такое разделение труда указывает, например, л. 81 об., который не имеет проложного текста. На нем только пробы пера и неискусные рисунки, изображающие элементы орнамента и людей.

Итак, в Тип-177 можно выделить почерки следующих писцов:

1-й писец (Андрей): л. I — 6г, 13а—65г, 67а—71г;

2-й писец: л. 7а—12б. Вставленные значительно позднее, в 70-е—80-е годы XVI в., бумажные листы с филигранью «гербовый щит» около 1567 г.;²³

3-й писец: л. 66а—66г. Начертание буквы *ж* с «коленцем» похоже на ее написание Козьмой;

4-й писец (Козьма): л. 72а—81б; по всей вероятности, отдельные киноварные заголовки в тексте Андрея, например на л. 56а, 59а, 61г, 65г, 67г. Примечательно, что в заголовках дьяк ошибочно употребляет в слове смѣрение букву *ѣ* вместо *е*: *ѡ смѣрѣнии* (л. 59а); *смѣрѣшиа ради* (л. 61г). Между тем его отец пишет *е* этимологически правильно: *смѣрение*, *смѣреніе* (л. 59б).

5-й писец: л. 82а—123в (первые три строки);

6-й писец: л. 123в (с 4-й строки сверху)—127г.;

7-й писец: л. 128а—131г. Возможно, вставка середины XIV в.

Относительно последних листов Тип-177 необходимо отметить, «что многие из псковских рукописей имеют восполнения, т. е. в Пскове в XIV веке восполняли прежние рукописи, причем дописывали страницы или даже отдельные части, которых не доставало и которые, вероятно, были утрачены. Наглядным примером такого восполнения может служить «Саввина книга» (Еван[гелие] Тип[ографской] библ[иотеки], № 14). Быть может, это явление следует поставить в связь с усилением церковного строительства в Пскове: в XIV в. здесь было сооружено не мало церквей и монастырей, для которых, понятно, нужны были тексты богослужебных книг» (Покровский. С. 183).

Согласно приведенной выше записи дьяка Козьмы Поповича, Пролог на 2-ю половину года был написан для церкви Воздвижения Животворящего Креста Господня, находившейся в Пскове на Князем дворе. Примечательно, что в XVII в., как видно из пометы скорописью XVII в. на внутренней стороне верхней переплетной крышки, книга принадлежала все той же «воздвиженские цркви с площади». Покровский (с. 30, 46—47) по имени и фамилии счетчика Стефана Ананьина (л. 1) установил, что рукопись поступила на Московский Печатный двор из Пскова в 1679 г.

Переписанные Андреем Микулинским и Козьмой Поповичем тексты характеризуются наличием в них значительного числа диалектизмов. В источниках представлены цоканье, неразличение свистящих и шипящих фонем, употребление сочетания *жс* вместо *жд*, «второе полногласие», переход | о | в | у | во 2-м пред-

²³ Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков: Альбом снимков. СПб., 1899. Ч. 3. Табл. 267, № 1870 (тип близкий).

ударном слоге в начале слова и другие местные явления. Судя по этим языковым особенностям, отец с сыном были уроженцами северо-запада Руси, скорее всего ее псковского ареала.

Андрей родился приблизительно в третьей четверти XIII в., возможно во время правления псковского князя Довмонта (1266—1299 гг.), и умер, по-видимому, после 1327 г. В начале XIV в. он уже был священником псковской церкви Николая Мирликийского. Кроме того, Андрей занимался переписыванием книг и, очевидно, имел учеников. Можно предположить, что при церкви даже существовал возглавляемый им скрипторий.

Есть все основания полагать, что священник Андрей пользовался значительным авторитетом псковичей и участвовал в политической жизни своего города. Так, еще Покровский (с. 84) указал на то, что в Псковской III летописи под 1327 г. среди псковских послов к князю Ивану Даниловичу Калите упоминается Андрей, «поп святого Николы». По всей вероятности, писец Андрей и посол Андрей — это одно и то же лицо: «И послаша псковичи пословѣ ко князю Ивану, Селогу посадника, а с нимъ Олуферья Мандыевича, Фомицу Дорожькиница, Явила Полоуектовича, Андрѣа попа святого Николы; аже онъ стоитъ оу града оу Вопоки; а хождение его от Новагорода до Опоки три недели, не хотя псковичь розгнѣвити. И Селога посадник и Олуфереи и Фомица и Явило и Андрѣи попь правеше слово псковское: князь Александръ изо Пскова поехалъ прочь; а тобѣ господину своему князю великому весь Псковъ кланяется и попове и чернци и черници и сироты и вдовица и жены и малыа дѣти».²⁴ Если в Псковской III летописи действительно сообщается о писце Андрее Микулинском, то в таком случае приблизительно можно установить время его смерти — после 1327 г.

Козьма Попович родился во время княжения Довмонта, очевидно в последней четверти XIII в., около 17 октября, 1 ноября или 1 июля — дней памяти безмездных врачей Космы и Дамиана.²⁵ Вероятно, он был назван по святым в честь одного из этих святых. В записях дьяк Козьма неоднократно обращался за помощью к этим небесным покровителям: «ѿ стаѣ безмездника козма и дамитане. поспѣшита бързо къ кончю» (Син-239, л. 64; см. выше, Тип-76, л. 35; 84).

О себе Козьма сообщает, что он был дьяком. Между тем в древне- и старорусском языке лексема *дьякъ* имела следующие значения: 1) 'дьякон, помощник священника при совершении церковной службы'; 2) 'причетник, церковный чтец или певец, дьячок'; 3) 'дьяк, начальник и письмоводитель канцелярии разных ведомств'.²⁶ Так, например, в Пскове и Новгороде существовали

²⁴ Псковская 3-я летопись: Строевский список // Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. Вып. 2. С. 91.

²⁵ *Сергий, архиеп.* Полный месяцеслов Востока: Святой Восток. 2-е изд. Владимир, 1901. Т. 2. С. 196, 238—243, 321, 340.

²⁶ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977. Вып. 4: (Г—Д). С. 398.

вечные дьяки при городском вече, записывавшие его решения.²⁷ Кроме того, в памятниках литературы Древней Руси известно употребление слова *дьякъ* (*диакъ*) в значении 'переписчик книг'. В одном из списков «Беседы трех святителей» говорится: «Господь первѣ съ небесе посла грамоту Сифу, сыну Адамову, и тои есть первый диакъ на земли и многи книги святаы написа».²⁸ В связи с этим следует отметить, что в тверских говорах имя существительное *дьяк* могло обозначать учителя, обучающего грамоте, а в рязанских — земского, волостного или сельского писаря.²⁹ Вследствие полисемичности лексемы *дьякъ* представляется спорным утверждение Покровского (с. 64), что «Козьма скорее был человеком светским — был дьяком, а дьяки — светские чиновники — были. . . весьма часто писцами рукописей». На основании имеющихся данных нельзя точно установить, каким именно дьяком являлся Козьма Попович и какие обязанности он исполнял в этой должности.

Несомненно одно: псковские дьяки и дьяконы в средневековье возглавляли книгописные работы, изготавливали рукописи и имели учеников. Причем для последних «учение книжное» было далеко не легким делом. Об этом красноречиво свидетельствует эмоциональная запись XIV в., сделанная современником и земляком Козьмы: «ѡ горѣ оученикомъ оу диакона хочет [с]а спа[ти] ѡхъ тошно оу».³⁰

Скорее всего, грамоте и каллиграфии Козьма Попович научился у своего отца. Дьяк Козьма, высококвалифицированный писец-профессионал, активно занимался переписыванием книг. За сравнительно небольшой промежуток времени (1312—1313 гг.) им вместе с другими книжниками были написаны три пергаменных кодекса. И ведь это только из числа сохранившихся до наших дней!

Похоже, что Козьма знал древнерусское церковное пение. По крайней мере, в скопированном им тексте Тип-76 имеется фитная (л. 34, 36 об., 43 об.) и, по-видимому, знаменная (л. 113 об.) нотация. Дьяку Козьме была известна и цифровая тайнопись. «Она основана на том, что значительное число букв азбуки употребляется так же, как цифры, и что вместо каждой почти буквы-цифры можно поставить две, три цифры с тем же в сумме числовым значением».³¹ С помощью цифровой тайнописи Козьма зашифровал слово *аминь* в Спн-172 (л. 202в): «.̄а. .̄к.̄к. .̄д.̄д. .̄л.̄к. .̄ъ». Здесь

²⁷ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 2: (В—Волога). С. 132.

²⁸ Шляпкин И. А. Похвала книге. Пг., 1917. С. 4.

²⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. [7-е изд.] М., 1978. Т. 1 (А—З). С. 439; Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 8 (Дер—Ерепениться). С. 300.

³⁰ Пролог, сентябрь—февраль, 1-я (Краткая) редакция, 1-я половина XIV в. ЦГАДА, собр. библиотеки Моск. Синод. тип., ф. 381, № 157, л. 1.

³¹ Соболевский А. И. Славяно-русская палеография: С 20 палеографическими таблицами. 2-е изд. СПб., 1908. С. 112.

буква \bar{a} оставлена без изменения; $\bar{k} = 20$, $\bar{k} + \bar{k} = 40$, т. е. \bar{m} ; $\bar{d} = 4$, $\bar{d} + \bar{d} = 8$, т. е. \bar{u} ; $\bar{l} = 30$, $\bar{k} = 20$, $\bar{l} + \bar{k} = 50$, т. е. \bar{n} ; буква \bar{z} не имеет цифрового значения в кириллице.

О характере Козьмы Поповича можно заключить по сделанным им записям. Скорее всего, это был веселый, остроумный человек с «грабацима роукама. клеветливыма языкомъ. шбидливыма шчима», любитель выпить и хорошо поесть, особенно не утруждавший себя постами. Вне всякого сомнения, далеко не все его записи следует понимать буквально. Фольклорные мотивы во многих из них очевидны.³² В то же время приписки иногда представляют собой «скрытые» цитаты из литературных памятников. Так, помету на нижнем поле л. 57 Тип-61 (она же повторена и на л. 76) — «ночь оуспѣ а днѣ приближи са» — с первого взгляда можно принять за оригинальное сочинение писца. В действительности же она заимствована из проложного «Почуения на Благовещение св. Богородицы»: «ночь оуспѣ а [еще одно слово *ночь* затерто] приближи са днѣ» (Тип-177, л. 286). Несмотря на это, записи дьяка Козьмы все-таки многое говорят о характере и складе ума сделавшего их великоруса XIV столетия. Приведем наиболее выразительные из них.

Тип-61: «ш ги даи ми живу быти хота .п. [80] лѣт поже даи ми ги пива сего напяти са» (л. 17); «шхъ мнѣ лихаго сего поцирига³³ голова ма болить и роука са тепет» (л. 22); «ш стѣи пантелеимоне поспѣши. уже глази спат хотать» (л. 99 об.); «бѣ даи съдоровиѣ к семоу батю что коунъ то все въ калите что пѣртъ то все на собе. оудави са оубожиѣ смотря на мене» (л. 131; это трехстрочное стихотворение повторено в Син-239, л. 20 об.); «подобаетъ чернью продаше манотью и коупити собѣ...» (далее бóльшая часть текста обрезана — л. 133). Тип-76: «шхъ мне лихаго сего писаниа. и еще шхъ» (л. 32). Син-239:

³² Седельников А. Д. Литературно-фольклорные этюды. Ч. 1: Псковские писцы XIV в. и фольклор // *Slavia*. Прага, 1927—1928. Роѣ. 6. Šeš. 1. S. 66—70; Дмитриев Л. А., Фет Е. А. Козьма Пскович // *Словарь книжников и книжности Древней Руси: XI—первая половина XIV в. Л.*, 1987. Вып. 1. С. 228—229.

³³ А. С. Орлов (Древняя русская литература XI—XVI вв. 2-е изд. М.; Л., 1939. С. 177) считал, что словоформа *поцирига* употреблена в значении 'пергамен'. Д. С. Лихачев (Текстология: На материале русской литературы X—XVII веков. 2-е изд. Л., 1983. С. 63) полагает, что это слово обозначает 'чирий'. На наш взгляд, не исключено, что рассматриваемое наименование имеет значение 'похмелье, плохое самочувствие после пирра'. В пользу такого толкования свидетельствуют смысл всего высказывания ('голова болит и рука трясется с похмелья') и лексика русских народных говоров. Так, известен однокоренной псковский диалектизм *попируха* 'пирушка, попойка' (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 3 (П). С. 300); см. также: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. [2-е изд.] М., 1958. Т. 2. Стб. 1191; Карский. С. 279.

«уже ноцъ велми тьмно» (л. 21);³⁴ «шхъ шхъ голова ма болить не мочи псати а уже ноцъ лазмы спати» (л. 39); «попдимъ собе на вибоуте къ стму...» (запись затерта, прочтению не поддается — л. 49); «ш стьи муч климанте поспеши млтвами игумена мартина» (л. 66); «ш горѣ мнѣ батьства того шже бы ми баба ж...» (текст обрезан, смыт; по мнению А. Д. Седелъникова, окончание предложения читается как «жи са» — л. 76); «мнѣ медоу сего игумена сего михаила горьского заноуди...» (далее обрезано — л. 76 об.); «како ли не шбыести са исто поставатъ кисель с мо-локомъ» (л. 77 об.); «поити на заоутрѣнюю» (л. 86); «ш стче бий климанте поспеши къ концю рабоу своему козмѣ» (л. 140 об.); «не тычь же въ бокъ не лазъ же въ грѣхъ что ть се пакъ написах» (л. 166 об.).

Записи дьяка Козьмы в целом характерны для древнепсковской письменности. И другие псковские писцы XIV в. нередко делали светские, бытовые, фольклорные приписки к текстам религиозного содержания. «Все эти заметки, выраженные не книжным, а просторечным языком, с сохранением иногда даже местных диалектизмов, чрезвычайно близки к литературной манере псковской летописи XIII—XIV вв., склонной к бытовой речи».³⁵ В подтверждение сказанного можно было бы привести значительное число примеров, но это уже тема отдельного исследования.

О времени смерти дьяка Козьмы Поповича ничего неизвестно. Не исключено, что он был свидетелем того, как Великий Псков в 1348 г. вышел из состава Новгородской феодальной республики и стал центром самостоятельного могущественного княжества.

³⁴ Ср. запись писца: «вечъръ ноцъ хочеть быти да блго да поль листа како нь намазано» (Паремейник. 1348 г. ЦГАДА, собр. 6-ки Москов. Синод. тип., ф. 381, № 52, л. 51). Здесь же находится одна из древнейших (XIV в.) цитат-загадок из «Беседы трех святителей» русского извода: «мртвъць поють. а гробъ ходить» (л. 62 об.), отгадка: «пророк Иона, поющий песнь Богу во чреве китовом».

³⁵ *Адрианова-Перетц В. П.* Литература Пскова XIII—XIV вв. // *История русской литературы: Литература 1220-х—1580-х гг. М.; Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 130—131.*

